

С возжнями на дружеской ноге

Два политических сюжета из неизвестных писем М. Горького

Еще недавно фигура Горького казалась смертельно залакированной и политически одноцветной. Ныне интерес к Горькому (особенно к политическим аспектам его биографии) по вновь открывшимся обстоятельствам, если пользоваться юридической формулой, стал живым, даже горячим, а неоднозначность суждений на сей счет – вполне расхожей.

Годами складывались личные взаимоотношения Горького с лидерами русской социал-демократии, и публикации последних лет предмет этих взаимоотношений не исчерпали. Новые документы вносят новые, подчас существенные штрихи, дополняя и уточняя то, что уже вошло в исследовательский оборот.

Сюжет первый:

Горький – Троцкий – Ленин. 1909

13 июня 1909 года с острова Капри в Австрию ушло письмо. На конверте, заполненном, скорее всего, М.Ф. Андреевой, был начертан адрес: Вена, улица Фридегассе, 40, и указан получатель: синьор Лео Бронштейн.

Возможно, это было не первое письмо А.М. Горького Л.Д. Троцкому – их личное знакомство состоялось двумя годами ранее, в мае 1907 года, в Лондоне. Тогда сосланный на вечное поселение в Сибирь (после года в Петропавловской крепости) председатель Петербургского Совета Троцкий совершил беспрецедентно стремительный побег и оказался на лондонском съезде РСДРП в ореоле славы. Горький, тоже участник съезда, подошел к нему со словами: “Я ваш почитатель” – и уточнил, что имеет в виду памфлеты, написанные Троцким в Петропавловке.

Когда в феврале 1908 года Ленин, редактировавший в Париже газету “Пролетарий”, предложил Горькому вести в ней литературно-критический отдел, писатель, уклонившись, рекомендовал Ленину в качестве достойного пера Троцкого. (Ленин ответил, что сам думал об этом, но “позер Троцкий” не согласился.)

Весь 1909 год прошел у Горького под знаком каприйской политической школы для русских рабочих. Помогали ему в этом, разделяя его цели, лекторы школы А.А. Богданов, А.В. Луначарский, Г.А. Алексинский, но в РСДРП, раздробленной фракционными склоками, противников школы было больше, чем доброжелателей. Лекторство в школе Троцкому предложили в начале июня, и он согласился при невыполнимом условии: школа должна быть общепартийной, а не “особым предприятием каприйских литераторов”. Ленину сообщить о своем плане Горький опасался и, узнав, что Богданов проговорился, огорченно написал Луначарскому: Богданов “преждевременно осведомил неприятеля о том, что ему не пора еще знать”, и неприятель теперь “примет все меры, чтобы помешать осуществлению наших планов”. Официально Ленина пригласили в каприйскую школу лишь в августе, и он отказался решительно. Горький, скорее из вежливости, звал Ленина еще и в ноябре, однако в письме строго добавлял, что рабочих, слушателей школы, мало, “но они стоят Вашего приезда. Отталкивать их – ошибка, более чем ошибка”, и уже совсем сурово: “Ершиться промежду собой – это Ваше любезное дело; а их – не трагайте”.

Ленинский “Пролетарий” был постоянной трибуной беспощадной борьбы с товарищами по партии, ликвидаторами и отзовистами (кто из неких читателей не вздрогнет, вспомнив эту приснопамятную лексик!), и Ленин, доказывая Горькому необходимость этого, возмущался: “Только пустозвон Троцкий воображает, что это лишнее, что рабочих это не касается, что вопросы ликвидаторства и отзовизма ставятся не жизнью, а печатью злых полемистов”. Илья Эренбург, восемнадцатилетним юношей попав в парижское окружение Ленина и хоро-

шо узнав атмосферу политэмиграции, писал в 1918 году: “Ленинцы, т. е. “сам”, Каменев, Зиновьев и другие, страстно ненавидели каприйцев, т. е. Луначарского с сотоварищами, те и другие объединялись в общей ненависти Троцкого, издававшего в Вене соглашательскую “Правду”. Какое же вместительное сердце надо иметь, чтоб еще ненавидеть самодержавие”. Троцкий не принимал ленинской беспощадности и всю эту межфракционную склоку на страницы своей “Правды”, предназначенной рабочим России, не пускал.

Июньское 1909 года письмо Горького



Троцкому, по существу, состоит из трех частей. Вот первая:

“Уважаемый товарищ – возвращаю произведения Минина. Не укажи вы, что это мужчина – я подумал бы, что автор сих двух лирик – пятнадцатилетняя гимназистка, страдающая девичьей немощью. Острую досаду возбуждает у меня литература этого типа”.

Минин – литературный псевдоним публициста В.А. Карпинского (1880–1965), большевика-ленинца, сотрудника “Пролетария”, который в числе немногих ветеранов партии уцелел в сталинские годы, а затем в ранге соратника Ленина вкушал соответствующие этому рангу почести. Отзыв Горького о его писаниях, что и говорить, сокрушительный.

Вторая часть письма – ответ на приглашение к сотрудничеству:

“А по поводу сотрудничества в “Правде” подождите немного: в данное время

очень занят и не могу ничего сделать. Мое работы и по школе, и своей. Привет!”

И, наконец, третья часть письма. Она содержит оценку венской “Правды”. Прежде чем ее привести – два высказывания. Горький (в пересказе Ленина) о “Пролетарии”: неискренность, никчемность и проч. Ленин о венской “Правде” (в письме Каменеву): сие безвредно, бесцветно, никчемно, фразистое, и, пока газета такая, Каменев спокойно может в ней сотрудничать.

А теперь суждение Горького:

“Правда” ваша страшно нравится мне: точная она, простая, ясная. Без особенных грознозвучных слов, а – задушевно. Желаю успеха. Жму руку. А. Пешков”.

Я листал разрозненный комплект венской “Правды” в пустом читальном зале Дома Плеханова. Всего несколько экземпляров (из 25 вышедших в 1908–1911 годах) сохранил Георгий Валентинович, всегда не любивший Троцкого и его сочинения. Газета печаталась на тонкой бума-

письма рабочих, подписанные обычно именами или инициалами. И – никаких внутрипартийных дразг. Все это и привлекло Горького.

Сюжет второй:

Горький и Зиновьев. 1919

Несколько писем Горького Зиновьеву 1919 года было напечатано в пору перестройки; речь в них шла об арестах и расстрелах интеллигенции в Питере. Горький, знавший Зиновьева (тот был на 15 лет моложе писателя) еще с эмигрантской поры, обращался к нему сухо, по имени-отчеству, без всяких “дорогой” или “уважаемый”, и в письмах выражался без обиняков (“Аресты производятся крайне обильно и столь же нелепо, следовало бы соблюдать в этом деле осторожность, всегда и всюду полезную”. Или еще резче: “Дикие безобразия, которые за последние дни творятся в Петербурге, окончательно компрометируют власть, возбуждая к ней всеобщую ненависть и презрение к ее трусости”). Зиновьев отвечал с известной долей лукавства (“Алексей Максимович!.. Арестов проводится, действительно, очень много. Но что делать?.. Я сам в такие дни испытываю самые тяжелые чувства...”). Горький пытался спасти людей и через голову Зиновьева, обращаясь непосредственно к Ленину или Дзержинскому, тем не менее отношения между Горьким и Зиновьевым не прерывались. В “Дневнике” К. Чуковского есть несколько записей о визитах Зиновьева к Горькому домой (“Вчера у Горького, на Кронверкском. У него Зиновьев...”), встречались они и в Смольном.

Книгоиздательские дела в Питере 1919 года находились в руках Ильи Ионова, главы Петрогиза, литератора-большевика и, что было куда важнее, брата жены Зиновьева. Отношения Горького с Ионовым были неровными, но в целом доброжелательными. Еще 8 июня 1918 года Ионов предложил Горькому издавать массовым тиражом по минимальной цене отдельные его рассказы в виде брошюр. Горький согласился, и брошюры начали выходить. В 1919 году по поводу выхода одной такой брошюры Горький обратился не к Ионову, а к Зиновьеву (на то были особые причины). Вот это письмо:

“Григорий Евсеевич! Прилагаемая телеграмма – уже седьмая такого содержания, за исключением одной – из Нижнего – все остальные с Украины. Кузьма Гвоздев, Дорошевич и двое из наших товарищей пицут, что мои статьи о евреях, а также рассказ “Погром” имеют известное значение и даже ходят в гектографированном виде.

Не найдете ли нужным предложить т. Ионову, чтобы он напечатал тысяч 200 книжки о евреях и послал киевлянам? У него, впрочем, сейчас матрицы, и он сделал бы это скорей, чем они.

Надо торопиться. Приветствую. А. Пешков”.

Письмо хранится в фонде Горького в РЦИДНИ, и упомянутых в нем телеграмм там нет. Названный Горьким К.А. Гвоздев – известный меньшевик, министр труда в третьем коалиционном правительстве Керенского. Письмо написано, скорей всего, в период с февраля по август 1919 года, когда Киев был во власти красных и в ряде районов Украины, охваченных гражданской войной, шли погромы, – отсюда и потребность в брошюре Горького, авторитетного и активного борца с антисемитизмом. Обращаясь к Зиновьеву, интернационалисту по партийной принадлежности и еврею по происхождению, Горький, несомненно, рассчитывал на поддержку (издание книжки для Украины за счет Питера не было во власти Ионова), и Горький только подчеркнул: надо торопиться.

Зиновьев на горьковское обращение ответил оперативно, коротко и выразительно. В левом верхнем углу письма красными чернилами решительно начертано: “Против”.

Борис ФРЕЗИНСКИЙ